Театры Москвы
Вечерняя

#394

Талантливо рассказать о жизни и любви — это и есть самое сложное.

М. "Советская Россия"

ТЕАТРАЛЬНАЯ БЕЛУХА

Размышления во время летнего антракта

Москва Театры — с.8.

Нет ли лишнего билетика?

Лозунгов не люблю. Но ежели лозунг пережил века, значит, это уже не просто лозунг, а мудрость. Пример хотите? Будьте любезны! «Хлеба и зрелищ!» — звучит отлично, и главное — на века. Правда, в разные времена две составляющие лозунга звучат по-разному, зато призыв сей актуален всегда.

За последние лет семь, скажем, понятие «хлеб» сильно видоизменилось: для одних слово сие приобретает свое буквальное значение, для других же оно расширилось до каких-то невероятных пределов (или беспределов?). Чего не скажешь о зрелищах — они неизменны.

И ежели вам нужен главный итог прошедшего театрального сезона, он как раз в том и состоит, что театр — жив и, главное, нужен. Презентации в ночных клубах — это все-таки для избранных. Вот меня, например, не избрали, и большинство граждан разделяет мою, покуда неизбранную позицию. А вот театр любимый, он как был зрелищем, относительно недорогим, весьма интеллигентным, отчасти элитарным — таковым и остался. И если бы еще наша борьба с преступностью закончилась хоть каким-то (пусть худым) миром и зрители перестали бы бояться ночных возвращений после встречи с искусством — тогда бы мы вернулись к «застойным аншлагам». Что, я надеюсь, и случится (не в смысле застоя, а в смысле аншлагов).

Так вот, глядя с летних перевалочных вершин (или низин) на прошедший театрально-зрелищный сезон — хочется попытаться подумать и попробовать обобщить. Ибо, что ни говори, размышления о зрелищах все-таки куда приятней тяжелых дум о хлебе. (Хотя и последние нужны тоже.)

Скажем сразу: понятие «театральный сезон» придумано критиками, а не зрителями. Зрителям все равно, когда именно поставлен хороший (или плохой) спектакль. И они правы. И я к ним присоединяюсь.

Какая разница — в этом или в прошлом сезоне в театре «Современник» вышел спектакль по пьесе израильского драматурга Йосефа Бар-Йосефа «ТРУДНЫЕ ЛЮДИ» в постановке Галины Волчек? Главное, что это — один из лучших спектаклей последнего времени. Лия Ахеджакова, Игорь Кваша, Валентин Гафт и Авангард Леонтьев разыгрывают смешную и трогательную историю еврейских эмигрантов в Англии. Вы себе думаете, что это спектакль про евреев? Таки нет — про людей, которые никак не могут найти своего места в этой, так называемой жизни. Это спектакль про тех, кто ищет смысл в том существовании, куда их засунул Бог. Самое поразительное в постановке — нюансы человеческих отношений, виртуозная актерская игра.

Вы хочете зрелищ? Их есть у меня, точнее — не у меня, а в театре «Современник», ибо истинное театральное зрелище — это когда не просто красивые декорации, а глубокие (а значит, красивые) человеческие отношения.

Кажется, еще вчера в театра царила чернуха, своего апогея достигшая в перестроечных спектаклях, где на сцене властвовал мат, и зрителя в зале как-то уж очень навязчиво приобщали к быту людей неприятных, грязных, едва ли не требуя, чтобы мы их жалели. Нынче на смену чернухе пришла белуха. «Сделайте нам красиво!» — лозунг современного театра, который естественно перетекает в другой: «Сделайте нам богато!»

Но богатство в театре лежит в сфере человеческого духа (извините за пафос), а не в сфере декораций. Мария Рыбасова в «Трудных людях» придумала довольно аскетичную декорацию, но спектакль получился богатый, потому как талантливый. Французский художник Даниэль Люрадур вместе с постановщиком (тоже из Франции) Кристианом ле Гийоше создали очень дорогой спектакль в Театре имени Моссовета. Называется «РЮИ БЛАЗ» по драме Виктора Гюго. Энергия, страсть, боль знаменитой пьесы Виктора Гюго исчезли за красивыми декорациями и костюмами. Артисты стараются как могут — артисты хорошие и стараются хорошо. Однако ощущение такое, будто режиссер не очень понимал, зачем он ставит этот шикарный спектакль — чтобы просто было красиво? Просто красиво — это не показ мод, в театре что-то еще надо к этому.

И в этом же Театре имени Моссовета на малой сцене Андрей Житинкин поставил пьесу Теннесси Уильямса «ВНЕЗАПНО ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ». Сцена — подчеркиваю — малая, в смысле шикарности на ней не очень развернешься. Однако художник Андрей Шаров придумал действительно красивую сценографию, очень стильную и очень занятную. Но главное, режиссеру удалось сделать так, что красиво — в самом высоком смысле этого слова — играли актеры. Недаром Е. Валюшкина за роль в пьесе Уильямса получила приз как одна из лучших молодых актрис года. Нельзя не отметить виртуозную игру В. Талызиной, А. Яцко...

Этот спектакль глубокий, а потому — интересный, а потому — красивый. Надо сказать, что Уильямс рассказывает довольно страшную историю, в которой есть и трагедия, и сумасшествие, и измена. А все равно — белуха. Чернуха — она ведь не потому надоела, что рассказывала про страшное, а потому, что в большинстве своем это были повествования поверхностные, эдакие инсценированные газетные очерки. А тут — глубокая человеческая драма, к тому же — интересно решенная.

Вообще тяжело белуха на Руси. Мы ж народ, на Достоевском воспитанный, нам же все подавай посерьезней, чтоб про вселенские проблемы да мировую скорбь. Водевили — жанр любимый, но не уважаемый. Не то — трагедии, тут уж, конечно, тут уж все всерьез. Я не против трагедии, если, конечно, получается. А вот не получилось у безусловно талантливого режиссера Леонида Трушкина с «ГАМЛЕТОМ». Не вышло потому, мне кажется, что пошел он по пути упрощения Шекспира, хотел адаптировать его к нашему времени. Не вышло...

«Гамлет» в интерпретации Трушкина — детектив. Придя в театр, вы увидите историю про то, как у одного вполне зрелого человека умер папа. Человек этот, не обремененный, надо сказать, особыми комплексами — начинает расследование. Однако, поскольку следователь из него плохонький — расследование он ведет неумело, погибает сам и уводит с собой в могилу тьму народа. Такая вот детективно-трагическая история.

Я убежден, что у Трушкина были вполне серьезные намерения: он хотел поставить современного «Гамлета», он не халтурил, проделал огромную работу, переделывая текст, хотел как лучше... Оказалось, что сделать лучше, чем у Шекспира — тяжело. Выяснилось, что при подобной интерпретации в «Гамлете» почти нечего делать актерам. Правда, есть в спектакле одна блестящая работа: Клавдий Виктора Проскурина. В этом человеке — и неоднозначность, и трагизм — короче, все то, что и должно быть у шекспировских героев.

И уж совсем тяжело на нашей, традиционно несчастной родине истинной белуха: комедии, которая ни на что особо не претендует, кроме как на то, чтобы радовать, веселить, поднимать опущенное настроение согражданам.

«Что вы хотели этим сказать?» — вечный вопрос российского театра. Есть на него, между прочим, и такой ответ: «Да ничего я не хотел сказать! Я хотел просто, чтобы люди отдохнули и, может быть, о себе задумались. Хоть немножечко».

В Театре имени Гоголя режиссер Арнольд Шведов под руководством Сергея Яшина поставил пьесу Андрея Яхонтова «И ЭТУ ДУРУ Я ЛЮБИЛ». Жанр спектакля — курортный роман, то есть авторы на преодоление шекспировских высот не претендуют вовсе. Два актера — Ольга Науменко и Александр Скворцов разыгрывают перед нами забавную историю, которая, надо сказать, не так проста, как кажется. Ибо написана русским сатириком, а русские сатирики если и смеются, то всегда немножечко сквозь слезы. История любви — а значит, обретений, потерь и новых обретений — двух немолодых людей не может быть пронзительно веселой.

Хотя, надо сказать, смеются в спектакле поотлично! А какие декорации придумала Елена Качалова! Представьте себе: горы, которые на наших глазах превращаются в морские волны, а потом — снова в горы. Если вам нужно настоящее зрелище — будьте любезны! Судьбы и страсти в красивом антураже. Просто человеческая жизнь на фоне моря... Просто жизнь — как вам нравится такое определение? Талантливо рассказать о жизни и любви — это, мне кажется, и есть самое сложное.

Сюобам спектакль не нравится. Критикам в большинстве своем — тоже.

Кстати, знаете ли вы, что это за странное существо: на «к» начинается, на «к» кончается, только издевается или восторгается? Правильно отгадали: критик. Человек, имеющий свою строго определенную тусовку и только с позиций этой самой тусовки рассматривающий театральные явления. Нет, разумеется, я не хочу сказать, что все критики таковы. В конце концов, и среди инспекторов ГАИ тоже есть честные люди.

Разумеется, можно бы и не обращать на них внимания. Но ведь критика действует на общественное мнение, даже во многом его создает: не каждый понимает, до какой степени ангажированы критики, и верит им. И чем больше у нас белухи — непривычной и нелюбимой критиками,— тем азартней они ее ругают.

Нелюбовь критиков к зрелищам достойна отдельного разговора. Вот пример. Подавляющее большинство спектаклей, выдвинутых отборочной комиссией критиков на высшую театральную награду «Золотая Турандот» — спектакли, идущие на малых сценах. Назвав лучшим спектаклем действительно зрелищную постановку «ЖЕРТВА ВЕКА» в Театре Маяковского (сегодня А. Гончарова не хвалит только очень ленивый), почти все остальные премии отдали работам камерным. И не потому, что зрелищ нет — а потому, что не любы они этому странному существу, которое зовется скучно и умно — «театральная общественность».

Один из этой самой общественности написал такие слова: «Сейчас искусства нет, и в годы мрака нужны театру не талант, а клака...» Впрочем, может, я и загнул про театральную общественность, ибо не знаю, была ли таковая в XVII веке. Ведь слова эти принадлежат драматургу Джорджу Этериджу и написаны чуть более трехсот лет тому назад.

Нет, ребята, это всего лишь слова, хоть и красивые. Только — как говаривал театральный деятель более позднего периода — «Не верю!» Не верю я тому, что в театре нет искусства. Оно есть. Это искусство белухи. Пускай слово это звучит не больно красиво, как-то по-рыбьи звучит — что делать? Раз уж ввели в свое время чернуху — получите и белуху. А кому не нравится, назовите проще: зрелище. Не в смысле много и богато одетой массовки, дыма и мелькания лампочек, а в смысле исконном, корневом: зрелище от глагола «зрить». Например, в корень.

Ужасно хочется, чтобы было на театре больше работ, в которых авторы старались бы зрить в корень человеческой души, рассматривать личность не как продукт социальной жизни, но как творение Божие...

Только что-то я засерьезничал под занавес. Театр — хорошее дело, веселое. Белинский призывал: идите в театр и умрите в нем. Последнее не обязательно. Для зрителя. И первое, впрочем, тоже не обязательно, но все-таки, ежели летом собраться с силами, по осени советую все-таки в театр пойти.

Ведь лозунг «Хлеба и зрелищ!» еще никто не отменял. И не отменит, к счастью.

Андрей МАКСИМОВ.